

А. Д. БУБНОВ

<«...Ему не оставалось ничего другого, как “лабиринт” и “уговаривать”»>

<...> Не мало также способствовало падению авторитета Ставки и то обстоятельство, что за пять месяцев существования Временного правительства на посту верховного главнокомандующего сменились пять лиц: генералы Алексеев, Брусилов, Корнилов, Духонин¹ и даже адвокат по профессии А. Ф. Керенский.

Из этих пяти верховных главнокомандующих один лишь Корнилов сделал, как известно, попытку вступить в борьбу с революцией, закончившуюся неудачей и заточением его в Быхове; генерал Алексеев, обессиленный болезнью, переживал ясно на нем видимый душевный слом и, не имея сил для этой борьбы, вскоре ушел с поста верховного главнокомандующего; генерал Брусилов и, конечно, А. Ф. Керенский вели на посту верховного главнокомандующего политику революционного характера, стараясь найти этим путем недостижимый компромисс с Советами солдатских и рабочих депутатов; генерал же Духонин, назначенный перед самым концом Ставки, когда процесс развала вооруженной силы был, в сущности, уже закончен, был уже бессилен что-либо сделать и был, как агнец, принесен в жертву революции.

Особенно же способствовало падению авторитета Ставки то, что она тотчас же после революции обратилась в настоящий проходной двор. <...>

При первом знакомстве, в связи с назначением Максимова², с А. Ф. Керенским он произвел на меня впечатление человека совершенно загнанного и изнемогающего под свалившимся на него бременем власти. При наступившем революционном хаосе и бессилии правительственной власти все почему-то обращались только к нему за разрешением самых разнообразных вопросов и буквально разрывали

его на части; вокруг него, где бы он ни находился, носились какие-то растерзанные типы обоих полов; все это в революционной экзальтации галдело, ожидая от Керенского каких-то «чудес».

Произошло это потому, что Керенский, человек с высшим образованием, отдавал себе все же ясный отчет в том, в какую пропасть устремляется Россия под давлением разбушевавшихся революционных страстей; вместе с тем, будучи представителем революционных слоев общества, он не мог не удовлетворять их стремлений к «углублению» революции; умеренные же круги общества старались его использовать для задержания процесса революционного развала, в то время как революционные круги требовали от него обратного, то есть углубления революции.

Будучи сам порожден революцией, он, конечно, не мог вступить с ней в открытую борьбу, да и не обладал для этого соответствующими данными — тут нужен был бы по меньшей мере Ришелье³ или Наполеон; а потому он и вертелся между революционной демагогией и стремлением спасти Россию от угрожающей ей гибели.

Таким образом, ему не оставалось ничего другого, как «лавирировать» и «уговаривать», ясным примером чего служит вышеприведенный случай с назначением Максимова, который вместе с тем открывает перед нами все бессилие власти Временного правительства и его главы А. Ф. Керенского, стяжавшего себе меткое прозвище главноуговаривающего.

